

А. В. ПОППЭ

О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе¹

Иконы Бориса и Глеба и миниатюры уже привлекались при исследовании сложных вопросов времени составления и взаимного отношения посвященных им житийных произведений. Изучались прежде всего миниатюры, иллюстрирующие анонимное Сказание о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике XIV в.² Внимание было также уделено миниатюрам того же Сказания в сборнике Н. П. Лихачева и Уваровском сборнике, а также иллюстрациям к летописной статье 1015 г. в Радзивиловской летописи.³ Предметом изучения стали и житийные иконы Бориса и Глеба, причем особенное внимание было уделено древнейшей из них— Коломенской иконе Бориса и Глеба «в житиях».⁴ Особо исследовались кресты-энколпионы и медные иконки с изображениями святых князей.⁵

На основании изучения сюжетной стороны упомянутых иконографических источников исследователи пришли к выводу о старшинстве Несторова чтения по отношению к анонимному Сказанию. Этот вывод был высказан В. И. Лесючевским. В более сложном виде этот же вывод обосновывался Д. В. Айналовым и Э. С. Смирновой. Последние исследователи приходили к выводу, что иконографические источники подтверждают тезисы о существовании утерянного жития Бориса и Глеба «особой редакцией». Следует отметить, что источниковедческие изыскания упомянутых искусствоведов вдохновлялись авторитетными положениями А. А. Шахматова, в построениях которого тезис об утерянном Житии

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, читанный 10 февраля 1965 г. в Ленинграде, в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ.

² Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры Сказания о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3 (далее: Д. В. Айналов. Очерки...), стр. 1—128, 41 рис.; отд. оттиск, СПб., 1911.

³ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба (по рукописи конца XV столетия). М., 1907 (далее: Н. П. Лихачев. Лицевое житие...); А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944 (далее: А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра...), стр. 157—176; Д. В. Айналов, Очерки...

⁴ П. Л. Гусев. Новгородская икона свв. Бориса и Глеба в деяниях. — Вестник археологии и истории, 1898, т. X, (далее: П. Л. Гусев. Новгородская икона...), стр. 86—108; Н. П. Лихачев. Лицевое житие...; Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958 (далее: Э. С. Смирнова. Отражение...), стр. 312—324.

⁵ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. — Советская археология, 1946, т. VIII (далее: В. И. Лесючевский. Вышгородский культ...), стр. 225—247.

Бориса и Глеба как необходимого звена в доказательствах в пользу старшинства Несторова Чтения занимал существенное место.⁶

Задачей настоящей статьи является пересмотр аргументации, выдвинутой Д. В. Айналовым, В. И. Лесючевским и Э. С. Смирновой.

В результате скрупулезного анализа миниатюр Сильвестровского сборника Д. В. Айналов пришел к выводу, что эта рукопись XIV в. копирует миниатюры XII в., иллюстрировавшие утерянную версию Жития Бориса и Глеба. Отсюда, по его мнению, миниатюры нельзя объяснить на основании текста анонимного Сказания, — они становятся понятны лишь при дополнительном привлечении текстов летописной статьи 1015 г. и Чтения Нестора. Указывая, что серия миниатюр Сильвестровского сборника хронологически ограничивается временем Изяслава (последние миниатюры иллюстрируют перенесение рак со святыми 1072 г.), хотя сам текст доведен до перенесения 1115 г., Д. В. Айналов приходит к заключению, что протооригиналами этих рисунков были миниатюры, созданные не позднее начала XII в., к Житию Бориса и Глеба, положенному в основу текста анонимного Сказания в Успенском сборнике XII в.

В связи с разысканиями Д. В. Айналова наиболее существенны два вопроса. Во-первых, почему в полной редакции (Сильвестровской) анонимного Сказания миниатюры хронологически замкнуты временем Изяслава? Во-вторых, следует ли расхождения между сюжетами миниатюр и текстом Сказания объяснять, как это предлагает Д. В. Айналов, гипотезой об утерянном Житии Бориса и Глеба или же возможно иное толкование?

Убедительным следует признать утверждение, что миниатюры Сильвестровского сборника имели свои протографы. Определенный состав иллюстраций сопутствовал по крайней мере с XIII столетия летописному сказанию о Борисе и Глебе. Анализ миниатюр Радзивилловской летописи исхода XV в. независимо от частных расхождений целиком подтверждает, что в ее основе покоится традиция более древнего лицевого летописания.⁷ Как свидетельствует «Слово о князех», во второй половине XII в. известны были житийные иконы Бориса и Глеба.⁸ Если и признать, что

⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, § 24. Позднее А. А. Шахматов несколько изменил свое положение, выдвинув тезис о зависимости всех трех произведений (летописной статьи, Чтения и Сказания) от общего источника — утерянной первоначальной версии Сказания. См.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1. СПб., 1916, стр. XXIV—XXV. Эту мысль развил в своих исследованиях Л. Мюллер. Итоги их см.: L. Müller. Neuere Forschungen über das Leben und die kultische Verehrung der Heiligen Boris und Gleb. — Opera Slavica IV, Beiträge zum V Internationalen Slawistenkongress. Göttingen, 1963, S. 295—317.

⁷ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи, т. 2, М., 1902, стр. 30 и сл.; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 44—68; М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — Известия Гос. академии истории материальной культуры, т. X, вып. 1, Л., 1931, стр. 3—27; А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 4—40; Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 425—427. Вне всякого сомнения, иллюстрированным был общий для Радзивилловского и Московско-академического списков протограф (XIII—XIV вв.). Весьма сложным остается вопрос об отражении в Радзивилловской летописи более древних следов русского лицевого летописания. См. О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965 (далее: О. И. Подобедова. Миниатюры...), стр. 49—101. Автор считает возможным говорить о лицовом киевском летописании XI—XII вв.

⁸ «И святых сих мученик чюдеса лежать пред очима нашими» (см.: Х. Лопарев. Слово похвальное на пренесение мощей свв. Бориса и Глеба. Неизданный памятник литературы XII века. — ПДП, т. 98. СПб., 1894, стр. 17, 28; Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской

до XIV в. не существовало лицевого Жития Бориса и Глеба, то несомненно, что мастер миниатюр Сильвестровского сборника пользовался определенными образцами. Об этом свидетельствует, как это заметил Д. Айналов, стиль миниатюр, с одной стороны, четко связанный с XIV столетием, с другой стороны — сохранивший более архаические черты.⁹ Создали иллюстратор Сильвестровского сборника свой собственный цикл миниатюр? Есть основание и на этот вопрос ответить отрицательно. Для Д. В. Айналова решающим являлся аргумент, что цикл миниатюр заканчивается перенесением рак 1072 г. Более существенным доводом в пользу того, что иллюминатор XIV в. копировал более раннюю лицевую рукопись, являются значительные вставки в тексте анонимного Сказания в Сильвестровском сборнике. Именно текст, извлеченный из летописи о борьбе Ярослава со Святополком, не иллюстрирован.¹⁰ Следовательно, мастер Сильвестровского сборника не только копировал более ранние миниатюры, но переносил их в свою лицевую рукопись, не учитывая различий в тексте. Итак, можно предполагать, что оригиналы миниатюр Сильвестровского сборника принадлежали рукописи анонимного Сказания, которая не содержала летописных вставок, а следовательно, стояла ближе к Успенскому списку XII в., на что указывает и Д. В. Айналов. Если бы рисовальщик Сильвестровского сборника составлял новую самостоятельную серию миниатюр, он не преминул бы проиллюстрировать также и вставки из летописи, тем более что образцы можно было почерпнуть из лицевой летописи.

Сравнительный анализ миниатюр Сказания в Сильвестровском и Уваровском сборниках XVI в. (ГИМ, Увар. 628) привел А. В. Арциховского к выводу о существовании лицевого протографа обоих сборников. Сюжеты и композиция на всех 41 его миниатюрах находят полное соответствие, за исключением некоторых несущественных деталей, в Уваровском сборнике. Это указывает на две возможности: либо Уваровский сборник является копией с Сильвестровского, или же оба цикла их лицевых изображений восходят к общему оригиналу. А. В. Арциховский склоняется к последнему мнению, указывая на некоторые более архаические подробности в миниатюрах анонимного Сказания в Уваровском сборнике, особенно оружия: мечи и щиты, свойственные XII—XIV вв.¹¹

Действительно, близкое родство обоих циклов миниатюр позволяет предполагать, что у рисовальщика Уваровского сборника, почти с рабочей точностью следующего своему образцу (даже в жестах рук почти двухсот фигур), некоторые архаизирующие различия в деталях явились не в результате его творчества, а в результате использования им несколько более ранней, чем Сильвестровский сборник, лицевой рукописи. По-

литературы, вып. 2, Пгр. 1916 (далее: Д. И. Абрамович. Жития...), стр. 131; А. И. Соболевский. Несколько слов о лицевых рукописях. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 1, стр. 96.

⁹ Д. В. Айналов. Очерки...; ср. также: Н. П. Лихачев. Лицевое житие... стр. 12—13.

¹⁰ ЦГАДА, собр. Моск. синод. типографии, № 1 (53). Сильвестровский сборник, лл. 137—140. См.: И. И. Срезневский. Сказания о свв. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860 (далее: И. И. Срезневский. Сказания...), стр. 98—101; вставленный летописный текст, 4 вставки, см.: Д. И. Абрамович. Жития... стр. 37—38, 43 (прим. 14, 29) 44—46 и С. А. Бугославский. Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. — Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. I. Київ, 1928 (далее: С. А. Бугославский и П. М. Пам'ятки...), стр. 80—81, 84—89.

¹¹ А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра... стр. 157 и сл., особенно стр. 173—174.

ложение это нуждается, однако, в более развернутой аргументации.¹² Дополнительные и веские данные о взаимном отношении обеих серий миниатюр могут быть извлечены из сравнительного анализа текста анонимного Сказания в обоих сборниках.¹³ Прежде всего следует отметить, что в том и другом Сказанию предшествует Несторово чтение. Последнее не является копией Чтения Сильвестровского сборника, но, как следует из археографических изысканий С. А. Бугославского, оба текста имеют общий архетип.¹⁴ То же самое можно сказать о взаимном отношении Сказаний обоих сборников в итоге внимательного изучения текстов.

Уваровскому списку Сказания присущи все основные приметы Сильвестровского. В обоих мы встречаем те же описки, те же дефекты текста (в особенности механические пропуски), которые в таком сочетании не только неизвестны иным группам списков, но присущи и другим известным спискам Сильвестровской редакции, кроме Свяжского сборника

¹² Лицевой сборник Уварова XVI в. (ГИМ, Увар. 628) привлек к изучению А. В. Арциховский, используя только миниатюры. Издателям текстов С. А. Бугославскому и Д. И. Абрамовичу Уваровский сборник не был доступен. Он был известен И. И. Срезневскому (И. И. Срезневский. Сказания..., стр. 91), который, издавая рядом с литографией правленный текст житий Бориса и Глеба, в Сильвестровском сборнике не отмечал различий.

¹³ Пергаменный Сильвестровский сборник датирован И. И. Срезневским по палеографическим приметам первой половиной XIV в. Эта датировка, пересмотренная особенно в части, нас интересующей (Чтение Нестора, лл. 89—116; Сказание, лл. 117—164), не вызывает сомнений. Быть может, рукопись ближе к середине этого столетия. Ее описание см.: А. Орлов. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. I. Рукописи. Вып. 1. Сборники. М., 1896, № 1 (53), стр. 1—13.

Уваровский сборник № 628, находящийся в 1917 г. в ГИМ (у архим. Леониды — Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Ува-

рова, т. II. М., 1893, стр. 399 — числится под № 1107⁸⁹³/₈₇) принадлежал до 1853 г. собранию Н. И. Царского под № 87 (в каталоге 1836 г. № 51) и определялся как рукопись, писанная полууставом XVI в. Судя по водяным знакам, находящим соответствие в рукописях 1524, 1528, 1532, 1536 и 1542 гг. (см. у Лихачева, Вод. зн., №№ 1624, 1630—1635, 1676, у Брикe №№ 4479, 4968), это рукопись 20—40-х годов XVI в. Писанная в 2 столбца, разм. 27,7 × 17,6 см, в 59 листов, она содержит Чтение Нестора (лл. 1—23) и Сказание (лл. 23—59 об.). Сопоставляя этот текст с текстом Чтения и Сказания в так называемом Свяжском сборнике 1555 г. (ГБЛ, собр. Румянц., № 152, лл. 109—191; описание этого сборника см.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 200—204), мы приходим к выводу, что последний является копией первого. А так как писец Свяжского сборника сообщает на л. 109 об.: «Списана лета 7063-го в Новгороде Всяжском ис палеи книги изо княже Ивановы Костеньтиновича Сисесева», то следует из этого, что рукопись Увар. 628 составляла первоначально часть этого сборника. Свяжский сборник не иллюстрирован, но он четко передал следы лицевого характера своего оригинала (надписи к рисункам и оставленные для них пробелы). Дата 1555 г. находит подтверждение в водяном знаке свяжской рукописи (вепрь), известном также по познанским рукописям 1542—1546 гг. (Брикe, № 13577) и русской грамоте 1562 г. (Лихачев, Вод. зн. № 2988).

¹⁴ См.: С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. XV—XVII, 179—206; 2) Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Дисс. Рукопись в ИМЛИ, микрофильм в библиотеке Исторического института Варшавского университета, 1940 (далее: С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения..., стр. 202—209. Текст Чтения в Уваровском сборнике был доступен С. А. Бугославскому в копии XIX в. (Археограф. ком., № 1 со списка Царского, № 87) и по «разнословиям» списка Царского, приложенным О. Бодянским к изданному им Несторову Чтению по Сильвестровскому сборнику (ЧОИДР, 1859, кн. I, отд. III). Но расхождения, вызванные мелкими неточностями и описками, заставили С. А. Бугославского предполагать, что он имеет дело со следами двух разных списков и считать их восходящими к общему архетипу. Одновременно он метко указывал, что Несторово Чтение в списке Царского по изд. О. Бодянского (т. е. Увар. 628) и в Свяжском сборнике 1555 г. (ср. прим. 13) почти тождественны.

1555 г.¹⁵ После обоснованных колебаний — не скопирован ли Уваровский список с Сильвестровского сборника — мы пришли к выводу об общем для обоих текстов протографе. В пользу этого свидетельствуют редкие различия Уваровского списка, восходящие к более ранним группам списков, возглавляемых Успенским (XII в.) и Чудовским (XIV в.).¹⁶ Именно их исключительный характер при одновременном сохранении Уваровским списком всех остальных описок и пропусков, присущих Сильвестровскому сборнику, позволяет отклонить предположение о привлечении писцом для правки еще другого списка. Следует также отметить, что в Уваровском списке отсутствуют те графические особенности Сильвестровского сборника, которые связаны с языковыми явлениями. Совершенно отсутствует характерная для Сильвестровского списка новгородская мена «ч» — «ц». Нет также в Уваровском того смещения «ѣ» и «и», а также перехода «ѣ» в «и» (например: «биси», «сниди» вместо «бѣси», «снѣди»), присущих Сильвестровскому сборнику. Не наблюдаем также в Уваровском сборнике замены «ѣ» буквы «я» (например: «от единой жены» вместо «от единой...»), которую в Сильвестровском сборнике И. И. Срезневский считал «особенностью извода, с которого писец переписывал».¹⁷ Если принять во внимание, что писец Уваровского сборника не уклонялся от повторения наиболее бессмысленных описок своего протографа (так, например, в Уваровском, л. 40 об., Сильвестровском, л. 138, «приснуша» вместо «притиснуша»),¹⁸ то последовательное отсутствие в нем графических осо-

¹⁵ Это и понятно, если учесть, что Свяжский список скопирован с Уваровского (см. прим. 13). С. А. Бугославский (Древнерусские литературные произведения... стр. 109) в итоге сопоставления Сказания в Сильвестровском и Свяжском списках пришел к выводу, что последний «копирован с текста, почти тождественного тексту Сильвестровского сборника, возможно, и непосредственно с него». Здесь следует обратить внимание на доселе не вошедшую в научный оборот рукопись ГИМ, Музейское собрание, № 1197, которую следует, по всей вероятности, признать копией с Сильвестровского списка. Как и в последнем, в начале Музейского, № 1197, находится Палея Толковая, после Сказания следует Откровение Авраама, лл. 389—418 занимает Несторово чтение, лл. 419—439 об. — отрывок лицевого Сказания: конечная часть похвалы и полностью Сказание о чудесах с 15 миниатюрами. Сохранившиеся миниатюры во всех подробностях ближе к рисункам Сильвестровского сборника, чем Уваровского; то же относится и к тексту. Сборник Музейского собрания, № 1197, в 4°, 500 лл., датирован Т. В. Диановой на основании водяного знака (полумесец), находящегося соответствие в рукописях 1516 г. (Лихачев, Вод. зн., №№ 3648, 3649, Брик № 5189) вторым десятилетием XVI в. Детальному текстологическому изучению лицевых (и скопированных с лицевых) списков Сказания автор намерен уделить особое внимание.

¹⁶ Ср., например: 1) Увар., л. 48: «откопати», Сильв., л. 147 об.: «откоповати» (также Муз. 1197, л. 423); 2) Увар., л. 51: «обетшавше», Сильв., л. 150 об.: «обетшиа обетшавше» (также Муз., л. 426); 3) Увар., л. 27 об.: «помышляеть ... святого мученика Никиты», Сильв., л. 122 об.: «помышлягь ... святого Никиты»; 4) Увар., л. 45 об.: «Богословець Иоан», Сильв., л. 144 об.: «Богословець Иван» (также Муз., л. 420); 5) Увар. л. 26: «в се истинне нашей русти земли», Сильв., л. 145; «в се о стине нашей русти земли». Последнее чтение является несомненно результатом порчи первого, а не первоначального «в се стране русьскеи земли» (Ср.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 157; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 52, строка 6). Увар., л. 30: «вси языци забывающей бога», Сильв., л. 136: «вси забывающен бога». В Увар. здесь более правильное чтение, так как это выдержка из псалма IX, 18. Такое чтение сохранила группа списков так называемой Чудовской и Синодальной редакции; см.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 31, вар. 256; стр. 108, вар. 282; стр. 130, вар. 477. С. А. Бугославский, пожалуй, прав, считая это чтение первоначальным и для Сказания (см. там же, стр. 149), хотя оно не присуще спискам Успенской редакции.

¹⁷ И. И. Срезневский. Сказания..., стр. VIII.

¹⁸ Также, например, «положила еста» вместо «пожила еста» (ср.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 87, 92).

бенностей Сильвестровского сборника, отражающих фонетические явления, ведет нас к выводу, что таковых не содержал и их общий протограф. По времени этот протограф должен был быть очень близок к Сильвестровскому сборнику, так как значительное количество его и Уваровского сборника ошибок и пропусков не содержит группа списков, принадлежащая той же Сильвестровской редакции.¹⁹

О том, что Уваровский список нельзя признать восходящим к Сильвестровскому, свидетельствуют и добавочные подробности. В Уваровском списке «чудо» с начальными словами «В граде Дорогобуже» (л. 53 об.) озаглавлено так же, как и в остальных списках Сказания о чудесах во главе с Успенским XII в.: «Чюдо 5-е о жене сухоруце». В Сильвестровском сборнике заглавие вообще отсутствует (л. 154 об.).²⁰ Предположение, что переписчик Уваровского сборника привлек иную рукопись, отпадает, так как тогда он перенял бы заголовки и иных чудес. Следует также отклонить мнение, что он сам его озаглавил, а очередное число поставил, подсчитав предшествующие чудеса. Этому противоречат следующие изображения. И в Сильвестровском (л. 150 об.), и в Уваровском (л. 50 об.) имеется заголовок «Чюдо 3-е о хромемь». Затем следует статья «О пренесении святою мученику», которая в Сильвестровском (л. 151 об.) и Уваровском (л. 51 об.) изменена в «Чюдо о пренесении святою». За этим описанием торжеств 1072 г. следует чудо с начальными словами «Бяше же некоторый человек нем и хром». В Сильвестровском (л. 153) и в Уваровском (л. 52 об.) оно не имеет заголовка, присущего первоначальной редакции («Чюдо 4-е о хrome и о неме»), хотя графически выделено. Итак, если бы писец Уваровского списка подсчитывал, то чудо с сухорукой было бы названо 6-м, а не 5-м, т. е. так, как в Минейной редакции, основанной на Сильвестровской, где заголовки и номера чудес заново приведены были в порядок.²¹

Следующие соображения касаются надписей, сопровождающих отдельные миниатюры. На 3-м рисунке изображен Христос «в небесах», протягивающий стоящим с обеих сторон Борису и Глебу короны с надписями: в Сильвестровском (л. 117 об.) — «Хс подает венцы Борису и Глебу», в Уваровском (л. 23 об.) — «Хс венца подает Борису и Глебу». Двойственное число последней надписи — не выдумка копииста XVI в., а несомненное отражение протографа.²² На 5-й миниатюре изображен шатер на фоне которого на подножке икона Спаса, с одной стороны — молящийся Борис, с другой — отрок, держащий открытую книгу. В Сильве-

¹⁹ Из них древнейший — Успенский пергаменный сборник № 3 (1406 г.) и упомянутый лицевой сборник Н. П. Лихачева. См. также текст Сильвестровского списка с разночтениями: С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. 72—93; 2) Древнерусские литературные произведения..., стр. 110, 113. Однако следует отметить, что издание С. А. Бугославского (также и Д. И. Абрамовича) страдает мелкими неточностями и не отражает некоторых разночтений Сильвестровского и других списков. Это несомненно результат не всегда строгого соблюдения приемов подведения разночтений — труда исключительно трудоемкого и кропотливого. Наблюдения над результатами текстологических и издательских приемов таких видных источниковедов, как Д. И. Абрамович и С. А. Бугославский, делают предельно понятным то детальное внимание, какое уделил технике исследования и издания текста Д. С. Лихачев (Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 160 и сл., 511 и сл.).

²⁰ См.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 162; последующее чудо озаглавлено в Увар. списке «Чюдо о слепом» — это сокращение заголовка в Усп. списке, в Сильв. оно не озаглавлено (там же, стр. 164).

²¹ См.: С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. 161, 170; 2) Древнерусские литературные произведения..., стр. 169—172.

²² Ср. в тексте Сказания: «и въсприяста венъца небесныя, егоже и въжеласта» (Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 43; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 84).

стровском сборнике (л. 123) ее сопровождает четкая надпись: «Молится святый Борис в шатре святому Спасу», в Уваровском, л. 28: «Святый Борис и Глеб молится в шатре милостивому Спасу». Введение в текст надписи Глеба — очевидная бессмыслица, так как отрока, уже по одной одежде и по отсутствию сияния нельзя было принять за Глеба. Ошибка объясняется, если принять, что переписчик Уваровского списка копировал со списка, в котором надпись была полузатерта; он сохранил единственное число «молится», вместо «святому» прочел «милостивому». Его невнимание добавочно объяснимо и тем, что надписи к рисункам были исполнены им раньше, чем сами изображения.²³ Итак, существование общего лицевого протографа можно считать обоснованным.

Даже усилив аргументацию Д. В. Айналова и А. В. Арциховского, нельзя, однако, согласиться с предложенной ими датировкой этого протографа XII в. Анализ стиля миниатюр протографа (т. е. характерных черт, общих миниатюрам Сильвестровского и Уваровского сборников) улавливает столько примет, типичных для XIV в. (господствующих именно в Сильвестровском), что время его составления никак нельзя вынести за пределы этого столетия. То обстоятельство, что протограф был носителем черт более архаичных, выдвигает в свою очередь вопрос о его протооригинале. Собственный, однако, протограф Сильвестровского сборника XIV в. и Уваровского сборника XVI в. возник не ранее начала XIV в., что подсказывается также сравнением списков так называемой Сильвестровской редакции. Сам А. В. Арциховский, отмечая, что представленные мечи и миндалевидные щиты преобладали в XII—XIII вв., указывает, что подобные образцы известны и для XIV в. Существенно также, что сабля в сцене убийства Глеба в обеих сериях одного типа. Это золотоордынская сабля XIV—XV вв., известная по кубанским курганам, с характерной крестовиной с расширенными лопастями.²⁴ Она, вне сомнения, взята рисовальщиками обоих сборников из протографа.

Наконец, следует поставить вопрос, в какой степени хронологическая ограниченность цикла миниатюр может являться свидетельством составления первоначального цикла миниатюр до 1115 г., когда уже появилась завершенная редакция Сказания?

Сказание о чудесах имеет наряду с полной (Успенской) редакцией также разнообразные по составу краткие редакции, а сама статья о перенесении мощей 1072 г. встречается в рукописи отдельно и в различных сочетаниях с другими описаниями чудес. Неизвестен, однако, ни один список анонимного Сказания, который замыкался бы описанием 1072 г. Следует также отметить, что все сохранившиеся списки «кратких» редакций Сказания о чудесах, как показали археографические изыскания С. А. Бугославского, вторичны по отношению к древнейшей редакции, тождественной по составу с Успенским сборником XII в. Это тем более показательно, что сам С. А. Бугославский считал Сказание о чудесах произведением трех авторов, каждый из которых продолжал в разное время труд своего предшественника.²⁵

Отсутствие в рукописной традиции следов, подсказывающих такую возможность, само собой, ее не исключает. Но самое слабое звено в по-

²³ Эта очередность труда четко наблюдается на лл. 47 об., 49 об., 50 об. и 52 об. Уваровского списка. В Сильвестровском сборнике надписи изготовлялись уже после исполнения миниатюр.

²⁴ См.: Сильв. сб., л. 132 об.; Увар. сб., л. 36 (А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 173 и сл.).

²⁵ С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. XII—XV, текст № 11, стр. 155—170; 2) Древнерусские литературные произведения..., стр. 156—189.

строении Д. В. Айналлова заключено в его главном аргументе — в указании на состав миниатюр Сильвестровского сборника. Утверждение этого исследователя, что серия миниатюр завершается иллюстрацией событий 1072 г., не исчерпывает вопроса. Д. В. Айналлов не имел, по-видимому, в руках подлинной рукописи.²⁶ Дело в том, что по замыслу редактора Сильвестровского сборника, а точнее, и его протографа, рисунки должны были сопутствовать и дальнейшему тексту Сказания о чудесах. Древнерусский книжник последовательно оставил свободное место в тексте для дальнейших восьми миниатюр. Лист 154 оставлен свободным для двух миниатюр к чуду (4) о немом и хромом, л. 156 оставлен свободным для двух миниатюр к чуду (5) с сухорукой; л. 160 — для двух иллюстраций к чуду с заключенными и л. 164 — для двух изображений перенесения мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. в новую церковь.

В Уваровском сборнике писец не оставил пробелов для миниатюр, но зато имеются два доказательства в пользу того, что в списке, с которого он копировал, имелись незаполненные места, предназначенные для рисунка. Это видно на л. 53 Уваровского сборника, где писец экономит в конце второго столбца место, удлиняя последние две строки и добавляя одну так, чтобы не переносить описания этого чуда (4) на оборот листа, где в протографе, как видно из Сильвестровского сборника, л. 156, предназначалось место для рисунка. На листе 57 писец оставил пробел в четыре строки, объяснимый только в сопоставлении с л. 160 Сильвестровского сборника, оставленным свободным и разделяющим тот же текст.

Итак, протограф Сильвестровского и Уваровского списков не завершался просто иллюстрацией событий 1072 г., но его редактор имел в виду иллюстрировать и дальнейший текст Сказания о чудесах. Следует отметить, что незавершенным в иллюстрационном плане осталось также и следующее в Сильвестровском сборнике за «Откровением Авраама», украшенным 6 миниатюрами (лл. 164 об. — 182), «Покаяние Кюпреяне» (лл. 183—208), где остались свободными лл. 186 об., 187, 190, 193.

В пользу того, что Сильвестровский сборник скопирован с лицевой же рукописи, свидетельствуют также наблюдения над расположением текста по отношению к рисункам. В Сказании о чудесах это выразилось в стремлении начинать каждое повествование о чуде с новой страницы, и поэтому деление текста не представляло трудностей, хотя писец то оставлял несколько строк, а иногда и половину, три четверти столбца свободными (см. лл. 146 об., 147 об., 149 об., 155 об., 159 об.), то принужден был непоместившийся текст перенести на страницу с рисунками (см. л. 151). В Сказании страстей мы наблюдаем то же явление (см. л. 122 об., 127 об., 130 об., особенно на л. 125, где пробел в 1,5 столбца), но деление текста здесь более зависело от смыслового восприятия книжника. Оно без опасности отрыва от рисунка могло быть иным. И поэтому в этой части Сказания механическое повторение Сильвестровским списком расположения текста своего образца становится особенно наглядным.²⁷

Хотя и лишенная существенного довода, точка зрения Д. В. Айналлова имела бы основание, если принять главную его гипотезу, что это были иллюстрации к утерянной версии Жития Бориса и Глеба. Не подвергая сомнению расхождения между текстом анонимного Сказания и миниатю-

²⁶ Исследователь мог пользоваться упомянутым литографическим изданием И. И. Срезневского. В ГИМ еще до недавнего времени имелись цветные копии миниатюр Сильвестровского списка (ими пользовался А. В. Арциховский), но в феврале 1965 г., когда автор настоящей статьи работал в ГИМ, местонахождение их осталось неизвестным.

²⁷ То же самое в основном можно сказать и об Уваровском списке.

рами, которые объяснимы только при сопоставлении с летописным рассказом и Чтением Нестора, следует, однако, подчеркнуть, что весь этот цикл прежде всего связан с анонимным Сказанием.

В основе положения Д. В. Айналова лежит ошибочное предположение, что рисовальщик должен был строго придерживаться иллюстрируемого текста. Д. В. Айналов не учитывает таких моментов, как начитанность мастера, его собственное осмысление, либо ошибочное понимание текста, наконец, самое существенное — характер, объем и происхождение иконографических источников, которыми пользовался иллюминатор. Как видно из анализа более поздних иконографических памятников, живописцы неплохо знали литературу.²⁸ В нашем случае рисовальщик протографа Сильвестровского сборника, иллюстрируя текст анонимного Сказания, несомненно соприкоснулся с находящимся в том же сборнике Чтением Нестора. Не всегда также он удовлетворительно вникал в содержание. Типичным примером могут здесь быть две миниатюры к тексту, выделенному киноарным заголовком «Чудо 3-е о хромьмь», который содержит описание чуда, описание торжественного обеда после освящения храма (пятикупольного, как следует из предшествовавшего текста) митрополитом в присутствии Ярослава, сообщение о смерти Ярослава и разделении областей между сыновьями и решение Изяслава поставить однокупольный храм.²⁹ Мастер, помня последнюю подробность, дал иллюстрацию чуда с хромым на фоне однокупольного храма. На следующей миниатюре он изобразил княжеский обед на фоне однокупольной церкви, поясняя ее двумя надписями, почти буквально взятыми из указанного фрагмента.³⁰ Выдержка «по литургии позва князь на обед», имеющая в виду в более широком контексте Ярослава, в сопоставлении с надписью «умысли Изяслав поставити церковь нову о едином версе» изменила свой первоначальный смысл. Однако в ошибке мастера, проиллюстрировавшего текст «вспять», нет оснований усматривать «свидетельства древнего текста».³¹ Причина ошибки станет очевидна, если мы заметим, что рисунок сопутствует не всему тексту Сказания о чудесах, но отдельным фрагментам, выделенным графически инициалами и киноарными заголовками. Хорошей иллюстрацией свободного, а вернее невнимательного, отношения к тексту Сказания является надпись «Загореся церковь святого Бориса и Глеба...» к рисунку, представляющему горящую церковь, о которой текст сказания сообщает: «...възгореся церкы святого Василия».³² Следуя приемам Д. В. Айналова, надлежало бы заключить, что надпись к рисунку отражает утерянный текст Жития Бориса и Глеба. Также в надписи к миниатюрам, иллюстрирующим чудо 1-е, мастер назвал исцеленного Миронегом, тогда как в тексте речь идет об исцелении Миронегова отрока (т. е. его слуги).³³ Требуется много доброй воли, чтобы досмотреться тут противоречий в описании чуда в связи с порчей текста и предполагать,

²⁸ Ср.: Э. С. Смирнова. Отражение... стр. 323—324.

²⁹ См.: И. И. Срезневский. Сказания..., стр. 124—125; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 55; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 160.

³⁰ Сильв. сб., лл. 150 об.—151; Увар. сб., л. 50 об.—51. Разница между разворотами листов в обоих сборниках только та, что в Увар., кроме текста чуда с хромым и двух миниатюр, его иллюстрирующих, верх л. 50 об. занят рисунком, относящимся к тексту на л. 50, где не хватило для него места. Ср.: Д. В. Айналов. Очерки..., рис. 38, 39; А. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 170, 171.

³¹ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 119—124.

³² Сильв. сб., лл. 145 об., 147; Увар. сб., лл. 46 об., 47 об. Текст см.: Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 53; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 158.

³³ Сильв. сб., лл. 148 об.—149; Увар. сб., л. 49—49 об., Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 110—114, рис. 34.

что в первичной версии отрок Миронегга был тезоименен своему господину. Увлеченный собственной гипотезой, Д. В. Айналов не только исключает дедукцию в мышлении иллюминатора, но и более того — он сам отказывается от такой возможности, когда толкует миниатюру, на которой изображено перенесение катафалка с телами Бориса и Глеба в поставленный Ярославом пятикупольный храм.³⁴ По мнению Д. В. Айналова, об этом перенесении упоминает только анонимное Сказание, тогда как Нестору оно неизвестно. Нестор, действительно, не говорит буквально о перенесении. Но об этом перенесении можно заключить из сопоставления двух его сообщений: 1) «Ярославу ... възградившю церковь Бориса и Глеба о клетце, в ней же стояста раце святою»; 2) после ее освящения «раце же святою постави в церквы на десней стране».³⁵ Д. В. Айналов понимает оборот «о клетце» исключительно как вокруг, над клетью-часовней, тогда как предлог «о» обозначает также «у», «около», т. е. рядом, поблизости.³⁶ Иногда предлагаемое Д. В. Айналовым толкование явно ошибочно. Анализируя миниатюру, изображающую исцеление хромого, свидетелем которого был, по анонимному Сказанию, Ярослав, исследователь утверждает, что она основана на тексте Нестора, так как не изображает очевидца.³⁷ Вопреки, однако, утверждению Д. В. Айналова, Нестор также говорит о присутствии Ярослава при чуде, но в иной последовательности.³⁸ Итак, мастер просто не ввел в композицию этой сцены Ярослава, так же, впрочем, как и митрополита. Творческая мысль мастера диктовала ему также дополнения, не отражавшие текстов. Убийцы Бориса приносят Святополку шапку убитого. И в этом случае Д. В. Айналов готов утверждать, что упоминание о шапке содержала утерянная версия Жития Бориса и Глеба.³⁹ Вслед за А. В. Арциховским, который наглядно продемонстрировал тенденциозный характер «неосторожных выводов» Д. В. Айналова о шапке Бориса, заключаю, что рисовальщик, стремясь придать представленной сцене пластичность, воспользовался известной в то время символикой княжеской шапки.⁴⁰ Заслуживает также сравнения в обоих сборниках сцена, изображающая поручение Святополком «Путьшине чади» убить Бориса. В Сильвестровском (л. 123 об.) Святополк восседает перед четырьмя воинами, движением рук как бы объясняя им поручение. Первый из воинов протягивает руку жестом, как бы иллюстрирующим слова Путьши в Сказании «всьи мы можем главы своя положити за тя». В Уваровском сборнике (л. 28 об.; см. рис. 1) та же сцена, но движения рук несколько изменены. Святополк дает меч, к которому протягивает руку первый из воинов. Следует предполагать, что иллюминатор Уваровского списка дополнил сцену, в протографе более близкую Сильвестровскому сборнику.⁴¹ И хотя он отошел от буквы текста, но полнее изобразил его суть. На Коломенской житийной иконе Бориса и Глеба XIV в. встречаем сцену, в которой у изголовья спящего в последний раз земным сном

³⁴ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 115—118, рис. 37; И. И. Срезневский. Сказания..., стр. 123; Сильв. сб., л. 150; Увар. сб., л. 50 об.

³⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 18—19; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 199.

³⁶ См.: Срезневский, Материалы, т. II, стлб. 491—492; ср.: В. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 235.

³⁷ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 118—120, рис. 38.

³⁸ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 19, ср. стр. 55; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 199.

³⁹ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 74.

⁴⁰ А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 175—176.

⁴¹ В Радзивилловской летописи та же композиция сцены, что и в Сильв. сб.; см.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. I, СПб., 1902, л. 74 об.

Бориса притаился волк. Это — принятая на Руси символика приближающейся смерти, ее связь с народной поэзией несомненна.⁴²

Степень личного почина несомненно была связана с индивидуальностью мастера; однако в значительной степени он зависел от принятых образцов. Только творческая мысль иллюстратора порывала с шаблоном, чему прекрасным примером является Царственная книга, текст которой взят из лицевого синодального тома Никоновской летописи, но миниатюры

Рис. 1. Святополк посылает воинов убить Бориса. (ГИМ, собр. Уварова, № 628, 4°, 20—40-е годы XVI в., л. 28 об.).

композиционно вполне самостоятельны, хотя обе серии стилистически однородны.⁴³

Итак, рядом с действительными расхождениями Д. В. Айналов отметил и мнимые, явившиеся результатом его положения об идеальном восприятии и изображении текста мастером миниатюр протографа Сильвестровского сборника. Причины расхождения между миниатюрами и текстом анонимного Сказания не следует усматривать в предполагаемом древнейшем тексте. Оно является просто свидетельством того, что рисовальщик пользовался разными иконографическими источниками, — отсюда и следы стилей разных периодов. Ведь иконы Бориса и Глеба «в деяниях» в изображении отдельных сцен следуют и летописному рассказу 1015 г.,

⁴² В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, илл. № 155, фото клейма см. илл. № 157; снимки иконы также в кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 79; Э. С. Смирнова Отражение..., стр. 316, рис. 1.

⁴³ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; В. Н. Щепкин. Лицевой сборник имп Рос. исторического музея. — ИОРЯС. т. IV, 1899, кн. 4, стр. 1350—1351; А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 157; О. И. Подобедова. Миниатюры..., стр. 108, 145—150.

и анонимному Сказанию, и Несторову Чтению.⁴⁴ Тесная взаимосвязь житийной миниатюры с лицевым летописанием и иконописанием не подлежит сомнению. Достаточно сравнить рассматриваемую здесь серию Сильвестровского сборника с циклом миниатюр, иллюстрирующих летописный рассказ об убийстве Бориса и Глеба Радзивиловской летописи, чтобы установить четкие параллели в композиции сцен. Не случайно летописная миниатюра, изображающая убиение Бориса «на колах», представляет двух варягов, поражающих мечами князя, тогда как текст говорит только об одном, и, наоборот, та же сцена в Сильвестровском и Уваровском сборниках представляет одного варяга, убивающего Бориса, хотя текст говорит о двух.⁴⁵ Это доказательство длительного и сложного, изобилующего разнообразными воздействиями пути, какой прошла к тому времени миниатюра, связанная с произведениями о Борисе и Глебе. Мы мало о ней знаем, а единичные сохранившиеся лицевые рукописи XIV—XVI вв. весьма скупо освещают ее развитие в предшествующие столетия. Отсюда тот факт, что отдельные указанные серии отражают одновременно содержание родственных памятников, следует воспринимать как определитель времени, протекшего с момента, когда эти произведения были впервые иллюстрированы. В этом отношении показательно лицевое анонимное Сказание в сборнике Н. П. Лихачева конца XV—начала XVI в.⁴⁶ Цикл 32 миниатюр этой рукописи решительно отличается композиционно и стилистически от серий Уваровского и Сильвестровского сборников. Некоторые миниатюры содержат, однако, определенные черты, позволяющие предполагать, что мастеру сборника Н. П. Лихачева была известна серия (или ее фрагменты), отраженная в обоих упомянутых сборниках. Но он порвал с шаблоном в стремлении создать новую редакцию житийных изображений Бориса и Глеба. Стилистика миниатюр Лихачевского сборника далеко отстоит от XIV столетия и более близка миниатюрам и иконам XVI в.⁴⁷ Сам текст анонимного Сказания страстей в сборнике Н. П. Лихачева восходит к так называемой Сильвестровской редакции, имея общий архетип с Сильвестровским и Уваровским лицевыми сборниками.⁴⁸ Списки Сильвестровской редакции содержат вставку обширной выдержки из Повести временных лет (под 6523, 6524 и 6526 гг.) с известием о сражениях Ярослава со Святополком. В противоположность рисовальщику Силь-

⁴⁴ Ср.: П. Л. Гусев. Новгородская икона... стр. 86 и сл.

⁴⁵ Радзивиловская летопись, л. 75 об., Сильв. сб., л. 128; в Увар. сб., л. 32. сцена на колах во всем сходна с Сильв. Ср.: Д. В. Айналов. Очерки... стр. 63—66, рис. 12. Здесь следует указать, что между рисунком и текстом летописи разлад, миниатюра в Сказании повторяет непоследовательность текста: «Святополк послав два варяга и прородоста и (Бориса) мечьмь в срьдце». Меч здесь один, как и на миниатюре, хотя действие выражено в двойственном числе.

⁴⁶ ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 71, лл. 117—151; фототипически издал Н. П. Лихачев (Лицевое житие...); А. И. Некрасов (Древнерусское изобразительное искусство. М.—Л., 1937, стр. 259) датировал изображения 20-ми годами XVI в., но более обоснована осторожная датировка Н. П. Лихачева. Водяные знаки рукописи указывают на 80—90-е годы XV в.

⁴⁷ Н. П. Лихачев. Лицевое житие... стр. 31.

⁴⁸ См.: С. А. Бугославский. 1) Памятки... стр. 72—93; 2) Древнерусские литературные произведения... стр. 104—111. Ср. также прим. 19 и 52. Факт восхождения Лихачевского сборника к архетипу Сильвестровской редакции (в Лихачевском сборнике наряду с общими чертами отсутствуют пропуски и опiski, характерные для Сильвестровского и Уваровского списков) именно с точки зрения его лицевого характера трудно признать случайностью. Если можно считать установленным, что лицевым был протограф Сильв. и Увар. списков, то вопрос о более ранней, ближе стоящей к архетипу редакции лицевого списка остается открытым. Характерно, что известные нам доселе лицевые (и копии с лицевых) списки не выходят за пределы Сильвестровской редакции. Мы надеемся выяснить этот вопрос путем детального исследования всех списков этой редакции.

вестровского сборника (и его протографа) мастер сборника Лихачева снабдил эту вставку миниатюрами. Их никак нельзя возвести к сохранившемуся летописному циклу,⁴⁹ зато установлена их связь с некоторыми изображениями современной сборнику Лихачева житийной иконы Бориса и Глеба.⁵⁰ Некоторые композиции на миниатюрах сборника Лихачева ведут к современному и несколько более раннему иконописанию, посвященному борисоглебской теме, четко свидетельствуя о взаимовлиянии этих двух областей живописи.⁵¹

Присоединенный в сборнике Н. П. Лихачева к тексту анонимного Сказания страстей Бориса и Глеба также иллюстрированный текст Сказания о чудесах представляет собою особую, отличную от Сильвестровской, редакцию, находя соответствия в трех других нелицевых списках: Успенском, 1406 г., Соловецком, 1494 г., и Сахаровском, XVI в.⁵² В Сказании о чудесах в этой редакции пропущена вся вводная часть; начинается описание чуда с безногим (1-е чудо Успенского сборника), выпущены значительная часть описания исцеления хромого (чудо 3-е) и описание событий 1072 г., сообщаются последующие три чуда (4—6 Успенского сборника), и завершается Сказание повторением описания 3-го чуда (4-го по Успенскому сборнику). Вопреки мнению С. А. Бугославского, это не обычное повторение того же текста. Компилятор действительно повторил сюжет того же чуда, но почерпнул его описание не из анонимного Сказания, а из Несторова чтения.⁵³ При этом компилятор был введен в заблуждение: он думал, что это описание другого чуда Бориса и Глеба. Итак, компилятивная редакция Сказания о чудесах, вторичность которой не подлежит ни малейшему сомнению, снабжена серией девяти миниатюр, изображающих отдельные чудеса. Делать отсюда вывод о «первоначаль-

⁴⁹ Ср.: Н. Лихачев. Лицевое житие..., рис. 16—20; Радзивилловская летопись, л. 80 об., 81, 82; не исключено, однако, знакомство мастера Лихачевского сборника с летописной серией, во всяком случае к какому-то общему иконографическому источнику восходит сцена убийства Бориса варягами. Мастер (см.: Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., рис. 9) как бы подбирал подробности с обоих изображений — летописного и «сильвестровского». В Сильв. сб., л. 128, и Увар. сб., л. 32 (рис. 2), оба варяга на конях в воинских доспехах; в Радзивилловской летописи пешие, в обыденной светской одежде. В Лихачевском сборнике один варяг на коне в доспехах, второй в «штатском», пеший, и оба, так же как в летописи, вонзают мечи в Бориса. С той же точки зрения обращает на себя внимание одной подробности сцена убийства Глеба (Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., рис. 14, Радз. летопись, л. 77 об., Сильв. сб., л. 132 об., Увар. сб., л. 36). Здесь повторена в основном та же композиция, но в летописи и в Лихачевском сборнике носу лодки, в которой находится Глеб, придан зооморфический вид.

⁵⁰ Икона Гос. Третьяковской галереи «Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» первой четверти XVI в. (см.: В. И. Антонова, И. С. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. II, М., 1963, № 410, илл. №№ 17, 18, 20; в комментарии (стр. 60) мелкие неточности. Клейма иконы иллюстрируют не Несторово Чтение, а анонимное Сказание (с отступлениями). На клейме 14-м этой иконы изображено, по-видимому, исцеление внука Долгорукого кн. Мстислава Безокого (см.: НИА под 1177 г.; ср.: Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 321—322). Быть может, его спутали с одним из современных Мстиславов — князем Черниговским. Но ни в коем случае это не Мстислав Тмутараканский (ум. 1036). Об иконографическом родстве этой житийной иконы см.: История русского искусства, т. III, стр. 565, 570—572, 601; Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., рис. 3, 16 и 19; Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 323.

⁵¹ См.: Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., стр. 35, 36, 38. М. П. и В. И. Успенские. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1908, табл. ХСII.

⁵² С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. 155—165; 2) Древнерусские литературные произведения..., стр. 110, 166—169.

⁵³ Ср.: Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., текст к чуду 6-му (3 последние нумерованные листы) по изложению Нестора. Ср.: Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 22—23. У С. А. Бугославского текст этого чуда опубликован отдельно (текст № 14, Памятки..., стр. 175—176).

ной версии» Жития Бориса и Глеба было бы бросающейся в глаза нелепостью.⁵⁴ Цикл миниатюр сборника Н. П. Лихачева при всем своем стилистическом новшестве в композиции и сюжетах отдельных сцен воспринял иконографическую традицию борисоглебской темы, являясь таковой же компиляцией, как и текст, которому он сопутствует.

Опубликованное недавно Э. С. Смирновой интересное исследование, посвященное житийным иконам Бориса и Глеба, наряду с тонким анали-

Убийство Бориса варягами

Рис. 2. Убийство Бориса варягами. (ГИМ, собр. Уварова, № 628, 4°, 20—40-е годы XVI в., л. 32).

зом стиля, композиции сюжетов и литературного воздействия на иконопись явилось новой попыткой применения исследовательского метода Д. В. Айналова. Э. С. Смирнова, анализируя композицию древнейших икон Бориса и Глеба «в деяниях» согласно со сформулированной во введении задачей «выяснения, какие литературные произведения находятся у основ иконографических памятников», установила расхождение между сюжетами отдельных сцен на иконных клеймах и текстом анонимного Сказания и

⁵⁴ С точки зрения свободного отношения мастера-миниатюриста к иллюстрируемому тексту заслуживают внимания две миниатюры Лихачевского сборника со сценами молитвы Бориса. На обеих миниатюрах (Сильв., л. 123, и Увар., л. 28) Борис дважды изображен, согласно тексту, молящимся «зря к иконе Господьни». Мастер Лихачевского сборника изобразил его молящимся один раз перед иконой св. Николая, затем перед образом Божьей Матери, согласно Н. П. Лихачеву (Лицевое житие..., стр. 27, рис. 5 и 6), Смоленской. Несомненно, это Богоматерь Одигитрия.

восприняла мнение Д. В. Айналова об утерянной древней версии жития Бориса и Глеба.

Присмотримся ближе к аргументации автора. Э. С. Смирнова в первую очередь рассматривает древнейшую сохранившуюся икону Бориса и Глеба «в житии» XIV в. из Коломны.⁵⁵ Автор убедительно показал, что сюжеты отдельных клейм ближе то одному, то другому тексту известных нам произведений о Борисе и Глебе. Можно ли, однако, располагая памятником XIV в., следовательно, имеющим за собой по крайней мере два столетия существования житийных икон Бориса и Глеба, делать выводы, что он идеально отражает какой-то гипотетический утерянный текст. Даже если бы такой текст действительно существовал и получил идеальное отражение в иллюстрациях, то два столетия развития этой темы в иконописи в постоянном соприкосновении не с утерянным, но с существующими произведениями о Борисе и Глебе должны были ввести существенные изменения в первоначальную композицию цикла. Развитие позднейших житийных икон, кстати, прекрасно иллюстрируемое и представленным Э. С. Смирновой материалом, подтверждает наблюдение Н. П. Лихачева, что «на старых иконах трудно найти две целиком одинаковые серии».⁵⁶ Вот почему на Коломенской иконе находим сюжеты, более близкие то Нестору, то летописи, то анонимному Сказанию. Одна сцена могла одновременно отражать сюжеты, почерпнутые из разных произведений. В равной мере это мог быть результат начитанности мастера, как и соединения им в одну композицию двух родственных сюжетов, перенятых из разных образцов.

Особенного внимания заслуживает в связи с этим толкование сцены убийства Бориса на Коломенской иконе. Изображение представляет на фоне шатра двух воинов, из которых один копьем, а второй мечом поражают лежащего Бориса, и заслоняющего его отрока.⁵⁷ Э. С. Смирнова, признавая эту сцену более близкой Нестору, приходит к выводу, что введение в сцену отрока Георгия, погибающего вместе с Борисом, о чем не знает Нестор, свидетельствует, что рисовальщик следует древнейшему тексту, в котором не было вставки об убийстве Бориса на возу.⁵⁸ Оставляя в стороне вопрос, следует ли вообще описание «второй» смерти Бориса «на колах» в летописном рассказе и анонимном Сказании признать позднейшей вставкой, присмотримся ближе к тексту Нестора. Убийцы «нападающа на нь (Бориса) и внизоша во нь сулицы свои. И се един от престолящих ему слуг паде на немь, они же и того пронизоша и мьнве же блаженаго мертва суща изидоша вон. Блажены же воскочи ... изиде из шатра и ... моляшеся ... един от губитель притек удари в сердце его».⁵⁹

⁵⁵ Фотографии иконы см.: Э. Смирнова. Отражение..., рис. 1; История русского искусства, III, стр. 79; *La peinture de l'ancienne Russie. Collection de la Galerie Nationale Tretiakov*. М., 1958, терг. 33; цветной снимок см.: В. И. Антонова. Н. Е. Мнев а. Каталог, т. I, № 209, илл. 155. В комментарии, стр. 244—245, мелкая неточность: на клейме, получившем № 13 (на правом поле второе клеймо снизу), изображено вокняжение Святополка в Киеве, с надписью «Святополк призва Кияны... одари я» (ср.: Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 318), а не как предлагает В. И. Антонова — награждение убиц Святополком. Поэтому порядок клейм несколько иной, более принятый. Это клеймо 12-е по порядку сцен, а первое клеймо на нижнем поле — не 12-е, а 13-е.

⁵⁶ Н. П. Лихачев. Лицевое житие..., стр. 36.

⁵⁷ См.: В. И. Антонова, Н. Е. Мнев а. Каталог, т. I, илл. 155; История русского искусства, т. III, стр. 79; на левом поле сверху второе клеймо (очередное 5-е). Сцену убийства у Нестора см.: Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 11; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 190—191.

⁵⁸ Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 316.

⁵⁹ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 11.

И тут Борис гибнет двукратно, в шатре пробитый сулицей и затем пораженный мечом перед шатром. Рисовальщик, решившись объединить все действия в одной сцене, представил убийство перед шатром, в основном следуя тексту Нестора. Последний, вопреки мнению Э. С. Смирновой, прекрасно знал сюжет о верном слуге, но не отметил только его имени. Его сохранили и летопись, и анонимное Сказание. Рисовальщику, не чуждому древнерусской литературе, а в особенности проникавших в изобразительное искусство агиографических мотивов, оно было хорошо известно. Итак, миниатюра объяснима на основании текста Нестора. Однако, принимая во внимание надпись на этом клейме («Убиша Бориса, потом Георгию отсекоша главу»), следует заключить, что в основном сцена обобщает изложение Сказания, так как об отсечении головы Георгию Нестор не упоминает. Но, пожалуй, происхождение этой композиции проще. Иконный мастер мог располагать уже более приспособленным для его труда источником — не литературным, но изобразительным. В пользу этого говорят две миниатюры Лихачевского сборника. На первой на фоне шатра два воина пронзают копьями Бориса, рядом воин с мечом, у ног которого двое отроков на коленях. На следующем рисунке воин с мечом, у ног его отрок с отрубленной головой. Эту миниатюру сопровождает (в этой серии единственная) пояснительная надпись. — «Георгию отсекоша главу».⁶⁰ Итак, весьма правдоподобно, что иконный мастер, имея среди своих образцов лицевое житие и располагая ограниченным числом клейм, синтезировал содержание обеих миниатюр в одну сцену, как бы оговаривая это в надписи («потом»)⁶¹.

Сходно следует толковать и сцену убийства Глеба. Все известные тексты говорят, что Глеб погиб от руки своего повара, исполнявшего приказ Святополковых воев. На клейме же Коломенской иконы Глеб убивает один из воинов.⁶² Э. С. Смирнова делает из этого вывод об отличной редакции описания смерти Глеба в древней версии Жития. Но можно найти более простое объяснение этой композиции. В основном она следует версии Сказания, и необходимо подчеркнуть, что, представляя воинов Святополка в насаде Глеба, согласно тексту «начаша скакати зълии они в лодию его обнажены меча имуще в руках своих»,⁶³ эта композиция гораздо ближе изложению Сказания, чем соответствующая миниатюра Сказания в Сильвестровском, Уваровском и Лихачевском сборниках. В Сильвестровском, л. 132 об., и Уваровском, л. 36, списках в одной лодке изобра-

⁶⁰ Н. П. Лихачев. Лицевое житие, рис. 7 и 8.

⁶¹ Делать на основании отсутствия той или иной сцены на клеймах житийной иконы какие-либо выводы о «древнейшем тексте», «о различиях в текстах, легших в основу этих серий» (ср.: Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 316—317), нельзя, ведь иконный мастер должен был поместить всю серию на 16 (максимум 20) клеймах. Поэтому он и «сгущал» композиции, пропускал некоторые сцены, пренебрегал хронологической последовательностью. В этом отношении поучительно изображение на правом поле Коломенской иконы — четвертое клеймо сверху. Согласно трем предшествовавшим миниатюрам: 1) Погребение Бориса в Вышгороде; 2) Убийство Глеба; 3) Положение Глеба «между 2 кладами» — и тексту следовало бы ожидать изображения перенесения Глеба в Вышгород. И так можно бы толковать эту сцену на клейме, если бы не две связанные между собой подробности: 1) надпись «Перенесение мощем святомученика Христова Бориса и Глеба»; 2) на рисунке изображены 2 храма, один из которых несколько отодвинут на задний план. Из них явствует, что сцена имеет в виду одно из трех перенесений из старой в новую церковь, описанных уже в Сказании о чудесах. Это знаменательно, если учесть, что все остальные клейма Коломенской серии не выходят за пределы Сказания о страстях.

⁶² Снимок клейма отдельно см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог, т. I, илл. 156.

⁶³ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 40; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 83.

жены посланные Святополком войны, над которыми надпись «убийцы», в другой лодке — Глеб с отроками, один из которых (повар Торчин) подрезывает Глебу горло; над лодкой надпись «заклан бысть святыи Глеб». Итак, верно следуя в одной детали тексту, иллюстратор протографа Сильвестровского и Уваровского списков упростил всю сцену. Подобным образом поступил и иконный мастер, но отметил другую подробность рассказа, а устрояя со сцены непосредственного исполнителя кровавого акта, акцентировал, в согласии с текстом жития, роль насланных Святополком «оканьных убийц», переноса действие на самого Горясеря, который «повеле вборзе зарезати Глеба». Итак, известный нам текст давал широкие возможности художественного толкования и изображения драматической сцены. Этими возможностями не пренебрегали, как видно, древнерусские художники. Добавочным подтверждением этой мысли является изображение той же сцены в Лихачевском сборнике. Здесь войны отсутствуют, и различить отроков Бориса и дружинников Святополка можно по их поведению. Первые сидят в позе «от страха омертвеша», вторые вооружены. в движении, один из них держит натянутый лук. Кто здесь убийца — повар ли Глебов или Горясер, можно только догадываться. Ощущается, что мастер не стремился реалистически воплотить в рисунок все подробности события. Ведущей мыслью его художественного замысла было придать сцене настроение цитируемого автором Сказания псалма «оружие извлекаша грешници, напрягоша лук заклати правыя сьрдьцьм». ⁶⁴ Итак, можно ли утверждать, что каждая из сцен убийства Глеба изображена «по иной литературной основе»? ⁶⁵ Воспринимая так ретроспективный метод исследования, следовало бы и упомянутого выше волка выводить из утерянной, якобы, древней версии Жития Бориса и Глеба. Следуя предложенным Д. В. Айналовым и Э. С. Смирновой путем, надлежало бы принять, что анализ двух памятников XIV в. Сильвестровского сборника и Коломенской иконы доказывает существование двух разных утерянных версий Жития. Оба цикла житийных изображений слишком различаются, чтобы можно было защищать более вероятную гипотезу об одной утерянной версии. Как указывает проведенный Э. С. Смирновой анализ позднейших (XVI—XVII вв.) икон «в житии», где автор более осторожен и не делает подобных заключений, ⁶⁶ почти каждый иконографический «житий-

⁶⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 43; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 85.

⁶⁵ Ср.: Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 317.

⁶⁶ Ср.: там же, стр. 323; см. также: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева, Каталог, т. I, № 67; т. II, № 410. В клеймах Коломенской иконы имеются перемещения сцен, нарушающие последовательность изложения. После клейма 10-го, изображающего перенесение мощей Бориса и Глеба, следуют 3 сцены: 11-е клеймо — на фоне шатра сидит Борис, перед ним стоит Георгий; 12-е клеймо — Святополк одаряет Киян; 13-е клеймо — Святополк посылает убить Бориса. За ними три последние клейма (14—16) иллюстрируют возмездие — сражение Ярослава со Святополком и гибель последнего. Э. С. Смирнова права, не объясняя этого перемещения утерянной версией.

Заслуживает внимания ее предположение, что иконописец располагал лицевой рукописью с перепутанными листами (Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 318—319). Так как нам неизвестен житийный цикл миниатюр, охватывающий всю изображенную на иконе тематику, можно предположить, что живописец располагал несколькими иконографическими источниками и довольно неуклюже, нарушая и логику, и хронологическую последовательность, но не без сознательного замысла, составил из них свой цикл. Изобразив мученическую смерть Бориса и Глеба, иконный мастер, прежде чем перейти к изображению возмездия, решил показать братоубийцу, который до того не выступал. Это своего рода введение, возвращающее зрителя во времени к началу событий, когда Борис у походного шатра горевал о смерти отца, и в Киеве вокняжился Святополк (ср. двукратное упоминание о вокняжении Святополка, вводящее в разные события в летописной статье 1015 г. — ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стлб. 132,

ный» памятник, если к нему применить предложенный Д. В. Айналовым исследовательский метод, может доставить данные для всех новых утерянных версий Жития Бориса и Глеба.

Среди иконографических памятников, привлеченных к изучению вопроса происхождения и взаимного отношения Несторова Чтения и анонимного Сказания, особое место занимают литые из медных сплавов кресты-энколпионы и иконки с изображениями Бориса и Глеба. В результате их изучения В. И. Лесючевский пришел к выводу о старшинстве Несторова Чтения. Следует поставить вопрос, действительно ли представленный В. И. Лесючевским иконографический материал дает основание для такого вывода.

Автор выделяет по основным иконографическим признакам три группы древнейших изображений Бориса и Глеба, отражающих, по его мнению, три этапа в развитии их культа.⁶⁷ К первой группе принадлежат изображения князей без всяких специальных атрибутов, кроме крестов в руках — это прежде всего изображения на окладе Мстиславова евангелия, Рязанских бармах, Учительном евангелии Константина и росписи алтаря Нередиды. Ко второй группе В. И. Лесючевский относит изображения князей с крестами и моделями храмов в руках на крестах-энколпионах, датированных им XI—XII вв.⁶⁸ Третью группу составляют, по мнению автора, изображения князей-мучеников на тех же крестах и иконах XII в. в виде конных воинов с мечами и копьями.

Особенно много внимания В. И. Лесючевский уделил изображениям Бориса и Глеба с моделями храмов в руке и пришел к выводу, что иконографически эти памятники тождественны и не содержат никаких вариантов. Борис всегда держит в руке пятикупольный храм, Глеб же — однокупольный. Автор делает отсюда вывод, что модели храмов не являются результатом свободного художественного творчества, но повторением какого-то конкретного произведения искусства. Сопоставляя эти данные с текстом Несторова Чтения и анонимного Сказания, В. И. Лесючевский датирует эти изображения на энколпионах временем после 1072 г., когда поставлен был однокупольный храм в Вышгороде, модель которого Глеб держит в руке, и не позднее начала XII в., когда святые начали выступать с атрибутами воинов-защитников Русской земли, что четко отразило анонимное Сказание, составленное после 1115 г.⁶⁹

Борис и Глеб не были ктиторами церквей, и потому следует согласиться с толкованием В. И. Лесючевского, что святые держат в руке модели посвященных им храмов. Однако дальнейшее предположение, что Глеб держит в руке модель однокупольной святыни, так как она была посвящена исключительно ему, так же как более ранняя, пятикупольная — исключительно Борису, хотя само по себе интересно, но построено на весьма шат-

140). Третья сцена — это акт обвинения Святополка, зачинщика злодеяния. Она мотивирует последующие сцены возмездия, делает его понятным. Быть может, расположенный крест на Коломенской иконе можно дать более убедительное толкование; во всяком случае здесь — неловкое повествование художника, нежели случайная путаница.

⁶⁷ В. И. Лесючевский, Вышгородский культ..., стр. 240 и сл.

⁶⁸ К этой группе В. И. Лесючевский причислил выходную миниатюру Слова Ипполита об Антихристе в рукописи XII—XIII вв., считая, что на ней изображен Борис, держащий в руке модель пятикупольного вышградского храма. Тонкий анализ рукописи и миниатюры показал, что это памятник болгарского происхождения, а на миниатюре изображен болгарский князь Борис-Михаил. См.: В. С. Голышенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв. — Проблемы источниковедения, т. VII, М., 1959, стр. 391—415. Ср. также: В. Иванова. Ктиторийский образ в Ипполитовия сборник на Исторически музей в Москва. — Археология, год 1, кн. 3—4, София, 1959, стр. 13—23.

⁶⁹ В. И. Лесючевский, Вышгородский культ..., стр. 233—240.

ких предпосылках. На некоторых крестах-энколпионах встречается и обратное явление: Борис изображен с однокупольным, а Глеб с пятикупольным храмом в руке.⁷⁰ Изображения князей не обязательно инспирировал «конкретный памятник искусства». Если даже мастер рисунка на энколпионе мог иметь перед глазами однокупольный храм Изяслава (1072—1115), то не существовал ведь уже пятикупольный храм, модель которого держат переменно Борис и Глеб. Вполне объяснимым источником мог быть текст Жития. Не исключена возможность, что посредствующим звеном было иконное изображение, но следы его ни в иконописи, ни в миниатюре не сохранились. Наконец, эти памятники XI—XII вв., не имеющие точной датировки ни археологического, ни стилистического характера,⁷¹ не столько следует относить к определенному времени, сколько к определенному месту культа — Вышгороду, на что уже указывалось.⁷² Композиция с моделями храмов отражает, по мнению В. И. Лесючевского, тот этап в истории их культа, когда они были уже признанными чудотворцами-целителями, но еще им не приписывались свойства воителей-защитников — «земля русьская забрала». Именно то, что Чтение изображает князей-мучеников как чудотворцев-целителей, тогда как в Сказании звучат более поздние, «воинские» мотивы, является, согласно В. И. Лесючевскому, одним из доводов старшинства Несторова произведения.

Действительно, подчеркнутое в Сказании свойство князей быть «земля русьская забрала и утверждение и меча обоюду остра», не выдвинуто Нестором. Если, однако, обратим внимание на то, что Нестор часто избегает всего, что может придать местный, русский колорит его Житию, стремясь верно следовать метафрастовским образцам, отказывающийся от исторических реалий, то отсутствие «патриотических струй» не составит само по себе аргумента в пользу тезиса В. И. Лесючевского.⁷³ Иссле-

⁷⁰ Благодаря любезности Л. Д. Лихачевой автор имел возможность ознакомиться с коллекцией произведений мелкой пластики в собрании Гос. Русского Музея (ГРМ). Среди 10 крестов-энколпионов с изображениями Бориса и Глеба с моделями храмов на трех выступает обратный вариант: 1) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1559, медное литье с чернью, $8,8 \times 4,9 \times 0,8$ см, Борис держит однокупольный храм, Глеб — пятикупольный (различить можно 3 купола); 2) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1561, медное литье, чернь, $9,2 \times 4,9 \times 0,9$ см, Борис — однокупольный, Глеб — пятикупольный; 3) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1567, медное литье, $7,7 \times 5,2 \times 0,5$ см, створка креста с Глебом, держащим модель пятикупольной церкви.

⁷¹ Энкалпионы коллекции ГРМ датированы Н. Г. Порфиридовым XII в. Экземпляры с чернью со сплеленными рельефными фигурами по концам креста датирует Г. Ф. Корзухина временем ближе середины XII в. О классификации и датировке русских энколпионов см.: Г. Ф. Корзухина. О памятниках «Корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья). — Византийский вестник, т. XIV, М., 1958, стр. 133; см. также: Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960 (далее: Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики...), стр. 12, 18—21; Т. В. Николаева разделяет мнение В. Хвойко, что «медное литье плохо поддается датировке» (там же, стр. 18, 102—103, см. на створке энколпиона XIII в. и на шиферной иконке XIII в. изображения Бориса и Глеба в рост с крестом и мечом в руках). Эту же иконку А. Л. Монгайт (в кн.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 304, рис. 141) датирует XII в. См. также каменный образец XII—XIII вв. из мелкозернистого песчаника в собрании ГРМ $\frac{ДР}{Кам}$ 244 и XIII—XIV вв. — $\frac{ДР}{Кам}$ 26.

⁷² В. С. Голышенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв., стр. 408.

⁷³ Ср.: С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 131—186; кн. 3, стр. 153—191; F. v. Lilienfeld. Die ältesten russischen Heiligenlegenden.

дователь этот не обратил также внимания на те фрагменты текста, которые решительно сводят на нет его утверждение, что Нестору не был еще известен третий этап культа, отраженный в иконографических памятниках с XII в., на которых князья изображены с оружием и на конях.⁷⁴ В рассказе Нестора прибывших святых узники видят «на росну коню», на конях прибыли также Борис и Глеб, сопутствуемые св. Николай, чтобы наказать работавшую в праздник женщину.⁷⁵ Из того факта, что в анонимном Сказании святые князья никогда не выступают на конях, мы не решились, однако, сделать обратный вывод о взаимоотношении этих произведений. Следует только отметить, что, согласно обоснованной в литературе датировкой Несторова Чтения,⁷⁶ уже в 80-е годы XI в. Борис и Глеб выступали с воинскими атрибутами. Впрочем, о ратной доблести Бориса упоминает и Нестор: «... ратьнии же, яко же услышаша блаженаго Бориса идуша с вои, бежаша: не дерзнуша стати блаженому».⁷⁷ Иконки с конными изображениями князей (оставляем в стороне более поздние) также хронологически не определены и, по всей видимости, древнейшие из них принадлежат XIII—XIV вв.⁷⁸

Что касается изображений, отнесенных В. И. Лесючевским к первой группе (с крестом в руке), то все они принадлежат XII—XIII вв. Древнейшее из них, на эмалях Мстиславова евангелия, где к тому же князья представлены по груди, несколькими годами моложе полной редакции анонимного Сказания.

Итак, рассмотренные В. И. Лесючевским иконографические памятники, посвященные Борису и Глебу, не представляют оснований для хронологического расслоения развития их культа и тем более не обосновывают утверждения о старшинстве Несторова Чтения. Существенные для истории культа Бориса и Глеба в памятниках искусства, они не являются источником, который может быть привлечен для выявления сложной проблематики посвященных им литературных произведений.

Критический разбор исследований иконографии культа Бориса и Глеба привел к заключению, что в сохранившемся виде источники этого типа не бросают света на первичный состав анонимного Сказания и не содержат

Studien zu den Anfängen der russischen Hagiographie und ihre Verhältniss zum byzantinischen Beispeil. Aus der Byzantinistischen Arbeit der DDR, 1, Berlin, 1957, ss. 241, 264—265 (Berliner Byzantinistische Arbeiten, V. V).

⁷⁴ Ср.: В. И. Лесючевский, Вышгородский культ..., рис. 5 (4, 5), рис. 6.

⁷⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 20, 23; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 200, 204.

⁷⁶ Вопреки мнению С. А. Бугославского (обоснованному в указанных выше сочинениях) и следовавшего за ним Л. В. Черепнина (Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, т. 25, М., 1948, стр. 311—312), относивших составление Чтения о Борисе и Глебе и Жития Феодосия Печерского к началу XII в., мы разделяем мнение А. А. Шахматова, датировавшего эти памятники 80-ми годами XI в. Подробное обоснование этой датировки см.: А. Порре. Chronologia utworów Nestora-hagiografą. — Slavia Orientalis, rocz. XIV, Warszawa, 1965, № 3. s. 287—305.

⁷⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 8; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 187.

⁷⁸ Ср.: ГРМ, коллекция $\frac{ДР}{М}$ 937, 938, 939, 941, 2395, 2399. Не исключена их датировка XV в. Ср. публикуемую Т. В. Николаевой (Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики..., стр. 137—138, № 30) шиферную иконку первой половины XIV в. в сканной оправе. На лицевой стороне Борис и Глеб на конях. Судя по фреске с фигурами двух всадников церкви Бориса и Глеба в Кидекше, расписанной в 80-е годы XII в. (Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздадь, Юрьев Польской. М., 1965, рис. 104, стр. 244, 249), изображающей, по мнению Т. В. Николаевой, Бориса и Глеба (Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики..., стр. 21), последние изображались конными и в XII в.

указаний, которые облегчали бы определение отношения этого произведения к Несторову Чтению. Принимаемое до сих пор как аксиома утверждение Д. В. Айналова об утерянном Житии Бориса и Глеба — первоисточнике сохранившихся произведений является прежде всего результатом ошибочного применения ретроспективного метода. Ни серия миниатюр анонимного Сказания в Сильвестровском сборнике XIV в. и более поздних списках, ни памятники станковой живописи, в том числе житийная икона XIV в., не отражают уже начального момента возникновения и формирования иконографии Бориса и Глеба. В течение с лишним двух столетий ее предшествовавшего развития первоначальная серия, если она и была построена на материале исключительно одного литературного произведения, не могла не подвергнуться влияниям со стороны, стремлению художника засвидетельствовать свою начитанность, воздействию и слиянию неоднородных и разновременных систем художественного выражения. Если, однако, первоначальный цикл миниатюр мог быть сюжетно связанным только с иллюстрируемым произведением, то иконописание изначально могло черпать и черпало сюжетную основу для своих композиций из чтения не только одного произведения, хотя бы такого популярного, как анонимное Сказание, но подвергалось воздействию всей литературы, посвященной братьям-мученикам. Достаточно сравнить серии четырех древнейших житийных икон св. Николая XIV в., чтобы убедиться, что ни одна из них не верна исключительно одной из нескольких известных на Руси версий Жития этого святого.⁷⁹ Поэтому-то применение к станковой живописи приемов Д. В. Айналова позволило более четко заметить их методическую ошибочность. Одновременно Э. С. Смирновой удалось с большой полнотой показать воздействие всех трех произведений о Борисе и Глебе на их житийные иконы. Результаты же исследований Д. В. Айналовым Сильвестровского сборника, поддержанные изучением А. В. Арциховским миниатюр Уваровского сборника, представляют интересные данные по истории древнерусской миниатюры вообще и иконографии Бориса и Глеба в особенности. Они устанавливают, что анонимное Сказание не впервые было снабжено иллюстрациями и если даже общий протограф, как показано выше, не выходит за пределы XIV в., то сохранные в рисунке все же кое-где архаизмы, присущие XII—XIII вв., указывают, что начало иллюминирования борисоглебской темы следует быть может, приписать именно этим столетиям. Присутствие в сюжетах миниатюр Сказания в лицевом списке начала XIV в. (протографе Сильвестровского и Уваровского списков) моментов, близких другим произведениям о Борисе и Глебе, являются свидетельством филиаций и перемен, которым подвергся первоначальный цикл прежде всего под влиянием житийной иконописи и тех серий миниатюр, которые сопутствовали летописному рассказу о Борисе и Глебе.

Из факта асинхронности серии миниатюр, доведенной до описания событий 1072 г. в протографе Сильвестровского и Уваровского списков, с его текстом, представляющим полную редакцию Сказания, завершаемую

⁷⁹ В. И. Антонова. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 375—392. Ср. также снимки и описания житийных икон Николы в Гос. Третьяковской галерее: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог, т. I, №№ 156, 172, 175, 182, 211, 214, 302; т. II, №№ 407, 452, 557. Характерно, что ни одна из серий изображений на этих житийных иконах не повторяется, хотя сюжетные и художественные воздействия очевидны. Ср. с текстами Жития у В. О. Ключевского (в кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 453—459); ВМЧ, под 6 декабря, стр. 589 и сл., 695 и сл.; Леонид, архим. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. — ПДП, № 34, СПб., 1881—1882.

изложением борисоглебских торжеств 1 и 2 мая 1115 г., нельзя делать вывода о лицевом Житии Бориса и Глеба в утерянной первоначальной редакции начала XII в. Анализ иконографического и рукописного наследия не дает к этому достаточных оснований. Нельзя, конечно, исключить возможность того, что в лицевом проторигинале текст и миниатюры завершались событиями 1072 г. и редактор лицевого протографа Сильвестровского и Уваровского списков решил продолжить его иллюминирование; однако мастеру-миниатюристу не хватило творческого воображения, чтобы заполнить оставленные для этой цели свободные листы.⁸⁰ Но и принятие этой точки зрения оставляет открытым вопрос: отражал ли этот лицевой первооригинал первичную или вторичную редакцию анонимного Сказания? Рукописи не подтверждают этого.⁸¹ Из анализа содержания анонимного Сказания не следует также, что первоначальная редакция завершается описанием торжества 20 мая 1072 г.⁸²

---

⁸⁰ Иллюстрированию текста до конца могли помешать внешние обстоятельства. Такой вывод подсказывает судьба тверской рукописи Хроники Георгия Амартола, где оставлены пустые места для миниатюр и часть их недоделана. См.: О. И. Подобедова. Миниатюры..., стр. 12, 36, 44—46.

⁸¹ Кроме изложенного выше, автором учтены результаты археографического изучения рукописей произведений о Борисе и Глебе С. А. Бугославским.

⁸² Вопросы сложения и хронологии анонимного Сказания в его составных частях рассмотрены подробно автором в исследовании «Предание о Борисе и Глебе в древнерусской письменности XI—начала XII в.» (рукопись на польском языке). Изложение итогов исследования на русском языке см. в публикации резюме докладов на V Международном конгрессе славистов в Софии в 1963 г. (в печати).